

нивелировать и разрушить нас как уникальное культурное сообщество. Общество, как и отдельный человек, жизненно нуждается в целенаправленном воспитании. Необходимы более эффективные правила социальной игры, иные формы социального общежития, иная этика, иная онтология. Ставить какие-либо цели дальнейшего развития не имеет смысла в ситуации аксиологического беспорядка или, иными словами, ценностного брожения, в котором пребывает современное человечество. Это порочный круг, так как, с одной стороны, общество само «загоняет» себя в аксиологический тупик, но, с другой стороны, современное состояние общества — это следствие аксиологического ацентризма. Именно в этом смысле, по мнению автора, риск и кризис является имманентно присущим свойством социокультурного развития человечества.

1. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997 № 4.

2. Неганов Ф. М., Рудкевич Е. Ю. Неэкономические ценности: особенности становления и развития. Уфа, 2008.

Р. Б. Сабекия, Г. Б. Аскарлова

Стерлитамак

ДИАЛОГ КАК СПОСОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ЦЕННОСТНЫХ АСПЕКТОВ БЫТИЯ

Философия всегда стремилась к целостному и ценностному постижению человека и основных экзистенциалов его бытия. Человек был и остается началом и целью любого философствования. Мудрствуя о человеке, философия («любовь к мудрости») неизбежно приходит к мудрствованию о любви, являющейся, в свою очередь, началом и целью человеческой жизни. Вообще, тема любви всегда предполагает гносеологический дискурс, более того — это «дискурс философии» [1]. Вспомним сократовский метод познания истины — майевтику (родовспоможение); или гераклитовское «*logos*», которое в единственном числе с греческого переводится, в частности, «разум», а во множественном — «семя», «сперма»; или же библейское «познать», что в определенном контексте означает «совокупиться».

Определяя любовь как структурообразующий принцип бытия человека, философы познают любовь, исходя из человека, и наоборот — человека, исходя из его любви. Ведь любовь, по образному выражению Ю. Б. Рюрикова, есть «внутренняя тень человека», и ее содержание непосредственно зависит от содержания и сущности самого человека. Современная философия любви стремится к целостному постижению человека в единстве основных срезов его существования и, соответственно, можно выделить следующие аспекты изучения человека и его любви: 1) природно-биологический (любовь определяется в этом контексте как механизм осуществления *бесконечности рода*, заложенный в телесности человека, в частности, в сфере его пола); 2) онтологический (любовь как *способ само-*

утверждения бытия Я, восстановления полноты и подлинности существования, целостности человеческого существа); 3) гносеологический (любовь здесь выступает *инструментом познания* собственного Я, своей самости, другого человека и окружающего мира); 4) аксиологический (любовь как высшая *ценность* человеческой жизни); 5) этический (любовь как критерий нравственного развития личности, критерий гуманности, *человечности*); 6) экологический (любовь как способ *единения*, собирания всего человечества и мира в единую систему); 7) эстетический (любовь как один из важнейших объектов и действенных факторов художественного *творчества*, эстетического созерцания, любования, наслаждения); 8) праксиологический (любовь как главная *цель* человеческих устремлений, эффективное *средство* самореализации человека в мире и конечный *результат* его жизни (с лат. *resultatus* — отраженный) — целостное отражение прожитого через призму конца, то есть *смысл жизни*).

Указанные структурные пласты человеческой любви присутствуют во всех сферах жизни. Переплетаясь, они создают сложную мозаику любви, ее живую органичность, динамичность, неуловимость рассудочными понятиями. В этой связи, выражаясь языком Х. Ортеги-и-Гассета, можно сказать, что философия дает не научное, а «жизненное» знание о человеке; отсюда его открытость, расплывчатость. Бытие человека предполагает его свободу: человек является не раз и навсегда заданным природным фактом, а вечно изменяющимся, вечно становящимся существом, вереницей творческих динамически-жизненных актов. «Жизненное» знание о человеке и его любви всегда открыто, незавершенно, ибо истинная сущность человека состоит в его потенциальности, бесконечности, бытийствуя не столько в сфере действительного человека, сколько в сфере реальности, вбирающей в себя, помимо наличного бытия, бесконечно новые возможности осуществления.

Реализация заложенных в человеке потенций возможна посредством любви как идеала совершенного, целостного и гармоничного бытия мира и человека. Именно в свете любви является миру подлинное богатство внутреннего содержания человека, то сущностное ядро личности, которое выражает ее наличное бытие (что *есть* человек), потенциальное (кем он *может быть*) и ценностно-нормативное (кем он *должен быть*). Устремления любви лежат в направлении поисков форм более глубокой аутентичности, новых способов самообнаружения, самоутверждения ценности и реальности собственного бытия. Это стремление раскрыть свое Я, желание быть самим собой и быть принятым, одобренным, реализованным с помощью *другого* человека в процессе общения с ним, диалога. Сфера любви, прежде всего, это *диалог, общение*, а не субъективная жизнь обособленного Я: «Любовь, — подчеркивает Х. Ортега-и-Гассет, — живущая взглядами, ласками, больше всего живет разговором, нескончаемым диалогом» [2].

В любви человек становится тождественным Творцу, воспроизводя вселенский процесс созидания и воплощая в себе божественное совершенство — как всепринимającego, всепонимающего, всепрощающего, всеобъемлющего своей любовью и милостью. Таким образом, выбирая себя как божество и обожествляя объект своих чувств, человек становится собственно человеком. Это превращение из природно-материальной потенции человека в актуальность осуществляется не

в плоскости физического естества. Здесь речь идет, скорее, о *метафизическом преобразовании*, достраивании человека до того образа первичного совершенства, который в свернутом виде хранится в генетической памяти каждого человеческого существа.

Любленность, таким образом, открывает в человеке способность метафизического видения: человек становится любимым не за свою действительность, зачастую заурядную и далекую от совершенства, а за эту чудесно явленную нам в самооткровении бытия, прорвавшуюся из глубин истинно-сущего тайну о подлинной, потенциально-прекрасной сущности любимого. Именно в этом, думается, выражается предельное таинство любви, дарующей человеку способность вырваться из *повседневного бытования* в мире вещей и воспарить к *истинному бытию*, к миру вечных смыслов и ценностей.

1. Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., 1994. С. 107.

2. *Ортега-и-Гассет Х.* Человек и люди // Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. М.: Радуга, 1991. С. 429.

В. М. Селиванов

Тольятти

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ ДИСКРЕТНОГО И ВСЕОБЩЕГО В ЧЕЛОВЕКЕ

При всей разности подходов к определению сути и форм бытия общепринятым является положение о том, что мир — система. Ни монизм, ни дуализм, ни плюрализм не могут отрицать наличия объективно существующих связей и отношений, что и есть сущностная характеристика категории «система». Система состоит из элементов; в философии все существующее принято называть вещами. Вещи имеют пространственно-временные характеристики. Но не в том смысле, что последние есть выражение вещей, а в том, что пространство и время сами вещи. Пространство и время при их всеобщности имеют границы в конкретных проявлениях. Отсюда вывод — мир дискретен (прерывен, отграничен) в вещах.

Но если идти по цепочке вещей (в любом направлении), то неминуем вопрос «а что за?». Фома Аквинский в XIII веке умело использовал парадоксальность сочетания конечного и бесконечного, что (сочетание) является онтологической закономерностью реального существования, и ответил на этот вопрос. В своем космологическом доказательстве бытия Бога «от движения» он логически верно утверждал, что любая вещь движима другой вещью, а та — другой и т. д. Такое соотношение уводит нас в дурную бесконечность. Значит есть вещь, которая начинает движение: это Бог, перводвигатель. Но если Бог таков, то он уже не имеет